

18+

Александр Гельманов

ПОСЛЕДНИЙ КАТАР

Роман

Александр Гельманов

Последний катар. Роман

<https://litres.ru/74252632>

ISBN 9785007052566

Аннотация

1244 год. Монсегюр. Двести катаров, верящих в перевоплощение душ, идут на костёр. Один остаётся в живых — чтобы через семьсот лет его потомок нашёл тайник с неопровержимыми доказательствами: Церковь знала правду о реинкарнации, но скрывала её полторы тысячи лет ради власти и денег. Историк Алексей Орлов и журналист Максим Коваль решают опубликовать документы. Теперь за ними охотятся те, чьи предки жгли катаров. Сумеет ли правда выжить? Остросюжетный детектив, основанный на реальных событиях.

Содержание

ОТ АВТОРА	7
ПРОЛОГ. 16 МАРТА 1244 ГОДА	24
ЧАСТЬ I КОСТЁР	30
ГЛАВА 1 ГИПНОЗ	30
ГЛАВА 2 БАБУШКИН СУНДУК	47
ГЛАВА 3 ПЕРВЫЙ ЗВОНОЧЕК	58
ГЛАВА 4 ДРУГ-ЖУРНАЛИСТ	65
ГЛАВА 5 ФРАНЦИЯ. ЛАНГЕДОК	73
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Последний катар

Роман

Александр Гельманов

Иллюстратор Оксана Атаманенко

© Александр Гельманов, 2026

© Оксана Атаманенко, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0070-5256-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Веками общество держалось на двух представлениях о посмертной участи — вечном прозябании или небытии. И лишь третье — о достижении абсолютного нравственного совершенства через цепь перевоплощений — несовместимо с войнами, революциями и социальным паразитизмом. Правители же всегда навязывали первые два — потому что адское или райское прозябание рождает покорность, а небытие оправдывает любое зверство. Третьего они боятся, как обличения собственной мерзости.

Александр Гельманов

ОТ АВТОРА

Я написал этот роман не для сенсации. Я написал его потому, что более семиста лет лжи — это слишком большой срок. Катары погибли на кострах за знание, которое было у ранних христиан. Их кровь впиталась в камни Монсегюра, но правда не сгорела. Эта книга — попытка ответить на вопрос, который веками замалчивали: почему Церковь так панически боится учения о реинкарнации? Ответы, которые я нашёл, оказались страшнее любых домыслов. Опираясь на подлинные документы и исторические факты, я попытался восстановить правду, за которую сжигали людей, искореняя заведомую реальность учения о перевоплощении. И показать: страх Церкви — это страх потерять власть над душами и навязанную им роль посредника-спасителя, диктующего на огромных территориях «правила жизни». Но душа не может принадлежать никому, кроме Бога и самой себя. Любое злодеяние, облечённое в насилие и обман и направленное против вселенского мироустройства, исходит от врага рода человеческого, монополизирующего истину и паразитирующего на обществе. Преступления против человечности сроков давности не имеют, сколько бы в них не каялись и как бы ни огрызались.

«Тоталитаризм, — как было написано в моём предыдущем романе, — это не политическая система. Это метафизи-

ческая болезнь, основанная на отрицании вечности души». Кому и ради чего нужна сия душевная хворь, выданная за единственный способ существования? Кучке ушлых дармоедов, ради оправдания неизбежности паразитизма, эксплуатации и неравенства, красной нитью идущих через всю историю Человечества. Как помним, зачитанные до дыр классики марксизма-ленинизма за буйки бездуховной материи, религиозного опиума и воровства прибавочной стоимости не заплывали, и возлагали априори обречённые надежды на революционное сознание Гегемона, неотделимое от его задницы. То, что «гегемоны» всех стран никогда бы не смогли объединиться ввиду разной степени духовного продвижения, явилось бы для классиков трагичным откровением и крахом «детской» мечты о Мировой Революции, которой задурили головы недавним верующим. И то, что население необъятной страны, где доминировала тотальная религиозная доктрина, за короткий период смирилось с недалёкими идеями материализма, не было простой случайностью: достаточной крепости веры, как величины измеряемой, в тогдашнем сословном обществе не было, потому что акцент на внешней, ритуальной стороне церковной службы и безропотном послушании паствы властям к условиям духовного развития не относится.

Церковь издавна учила, что спасение души от адской вечности возможно исключительно посредством её обрядов и таинств, что является профанацией духовной эволюции, ана-

логичной распродаже индульгенций для скоропостижного обретения райской вечности. Это, конечно, не помутнение разума злонамеренных церковников — это чётко продуманная система квадратно-гнездового надзора за каждым Божьим рабом, построенная на искусственной и антигуманной верообразующей конструкции. И когда эта система осточертела до крайности, формально попов отделили от чиновников. Разумеется, аксиому одноразовой жизни душ и тел ни в Европе, ни в России никто пересматривать не стал, и она исправно продолжала клепать для государства членов общества с «одноразовым» мышлением. Потому что, даже если запретили сжигать тебя на площадях и тебе любезно разрешили вместо принудительной явки к попу безнаказанно валяться с кем-то на сеновале, это ещё не значит, что тебя освободили от идиотской парадигмы.

Тот факт, что за XX столетие дважды уничтожались государственные устои и жизненные уклады народа, как всегда оставшегося ни с чем, напоминает сумасшедшего, бьющегося головой о стену, но он тоже не случаен. Он закономерен тем, что речь идёт о духовно-неистребимых интересах любого паразитического меньшинства, господствующего над обделённым большинством, которое «во имя порядка» необходимо держать в смиренном послушании и девственном неведении. При любом строе. Как? Через парадигму ограниченного мировоззрения и тотального страха, обусловленного соответствующими условиями посюстороннего и потусторон-

него миров (репрессии и смерть, страдания и ад), а страх зарождается в сознании, допускающем либо отделимость, либо неотделимость его от тела носителя.

Как рассуждал один из моих персонажей, если генерал в следующей жизни родится крестьянином, а крестьянин — генералом, то какой смысл в верноподданническом трепете? Рабство может существовать лишь в условиях одноразового тандема господина и раба, потому что кармическая ответственность угнетателя не принимается во внимание. А какое рабство может сложиться в условиях осознанной реинкарнации и грядущих изменений земного статуса, когда недовольному господином рабу такого повода более чем достаточно для склоки по типу семейной, — угрозы вернуть девичью фамилию, закатить истерику, бить тарелки и сбежать к маме? Посвящать народные массы в такую контрпродуктивную альтернативу ни смысла, ни дураков в правящих кругах нет. Потому что жизнь отдельно взятого генерала или крестьянина есть всего лишь их шагоч на пути долгой эволюции, стремящейся к абсолютному совершенству. И нет разницы, во что ты обут на этой дороге — новые сапоги со шпорами или стоптанные лапти. А какой элите, затыкающей ноздри надушенным платком при виде оборванного простолюдина из рабочей слободки, это понравится? Никакой и никогда. И нигде. Потому что невидимые глазу отрицательно заряженные частицы, образующие состав души, превращают человека в паразита и мерзавца, и по этой незримой субстан-

ции бесполезно лупить революционной, марксистско-ленинской дубиной. Что касается догмы изуверов в рясах о вечном загробном местонахождении и аксиомы воинствующих безбожников о вечном загробном отсутствии, они выполняют одинаковую функцию посмертного «ни гугу» и служат одной и той же цели — неукоснительному подчинению большинства, на котором меньшинство предпочитает паразитировать. Так что «традиционные скрепы» попа и «ленинское наследие о социальном равенстве» — не просто блеф, а масштабное циничное надругательство пофамильно известных личностей, прекрасно сознававших, что они творили и какую цель преследовали.

Вот почему попытки изменить воззрения на загробное положение человеческого сознания (не существует, бесконечно пребывает, перевоплощается) встречают активный отпор бесконечной череды подлецов и негодяев, радеющих о невозмутимости общественного порядка и сохранении паразитических отношений. Естественные законы духовного мира определяют нормы бытия на земле независимо от того, осознаны ли они или выдуманы. Во всяком случае, называть Владимира Ленина «гениальным мыслителем» за «научное открытие» бездушия тел и попа «святым отцом» за богохульство вечной преисподней можно только по слабости головного мозга, поскольку оба теоретических злодеяния исключают всякое добросовестное заблуждение и предполагают только прямой умысел на глобальное «разводило-

во». Всё это многократно документировалось на Вселенских (читай — Межгалактических) соборах и Исторических съездах председательствующих мошенников, занесённых в скрижали истории в качестве великих поводырей в услужении у Человечества, и подтверждалось всемирной практикой.

Тоталитаризм менял свой образ — от толстопузого жандарма, присевшего с откляченным задом и свистком промеж надутых щёк, до ненавистного энкавэдэшного сапога, грохочущего ночами в чужую дверь; не менялась только лживая доктрина одноразовой земной жизни, призванная держать в страхе и повиновении целые поколения людей. А отрицание души либо её вечного развития, не ограниченного сроком жизни тела, и есть та заразная метафизическая болезнь господствующего меньшинства, которая лечится иммунитетом к заразе одноразовости души и самосознанием членов общества. Смейтесь над «тяжелобольными» — может быть, от вашего смеха они скорее поправятся, ибо Человечество всегда, смеясь, расставалось со своим невесёлым прошлым.

В конце концов, Революция 17-го и Приватизация 92-го, в основе которых лежали низменные побуждения туповатого материализма классиков и поповских извращений духовных законов Вселенной, не привнесли в историю ничего, кроме экзистенциального хаоса, нищеты большинства и гибели миллионов, сдобренных лицемерными декларациями о мнимом историческом Величии и Прогрессе. Да и о каком прогрессе, собственно, можно говорить, если его уровень оце-

нивается не по отстающему нравственному, а по опережающему умственному? В чём тогда, вообще, смысл человеческого прогресса, если расслоение общества на богатых и нищих достигает пиковых значений, и меньшинство озабочено лишь ростом прибыли, а большинство — выживанием? Если именно в этом — он давным-давно достигнут, а если нет — обе парадигмы одноразовой жизни превратили человеческую историю в несмыслаемое дерьмо. Хотя бы потому, что верхний предел нравственности определяется завершением перевоплощений, а не самодельными парадигмами, которые не считают полное нравственное совершенство конечной целью. И это в стране, дважды наступившей на грабли алчного олигархического капитализма, щедро приправленного «первозданным христианством», где адепты оболганной души не устают провозглашать милосердие, человеколюбие и какие-то общечеловеческие ценности. При этом продолжают игнорировать цикл рождений и смертей и его конечную цель — достижение душой абсолютного совершенства. Поскольку каждый человек осознаёт свои и чужие недостатки, ясно видя недостижимость их устранения за годы короткой жизни, невозможность соблюдения церковной установки и отсутствие прежнего церковного контроля дают обратный эффект — подсознательной необязательности идеала и норм нравственности, заставляющей барахтаться в поисках иных смыслов жизни. Где вы видели хотя бы одного маньяка-душегуба или олигарха-мироёда, который до дрожи в колен-

ках убоился чертей с вечными сковородками? Если бы не мозги набекрень от аксиомы одноразовой жизни, мы бы давно научились встречать приход этой братии по уставу своего земного монастыря, не дожидаясь Второго Пришествия, приуроченного к Всеобщему Воскресению.

Клирики никогда не согласятся на создание в интересах истины общей комиссии из учёных и богословов. Потому что после небольшой дискуссии она придёт к совместному выводу, что самопальные решения Вселенских соборов и липовый верообразующий двучлен о жизни и смерти, которыми руководствуется Церковь, противоречат данным объективной реальности. Это бесповоротно положит конец изжившей себя парадигме, оставит не у дел тысячи священнослужителей и вызовет кардинальную перестройку основ светской власти. А если добавить к данным последствиям толику эмоциональной окраски, они будут сопровождаться закономерной ненавистью к глашатаям человеколюбия и смирения, особенно, когда до общества будут доведены механизм социального оболванивания и открывшиеся перспективы морального прогресса.

С какой целью более полутора тысяч лет назад приспичило собирать умерших грешников на Том Свете с Начала Времён, чтобы в Конце Времён «организовать» Всеобщее Воскресение покойников для явки на Страшный Суд, понятно. Устройство Вселенной не даёт мракобесам более удобную альтернативу для упрятывания реинкарнации зем-

лян и «братьев по разуму», называющих нашу Землю «Сумасшедшей планетой». Не понятно, зачем в XXI веке продолжать лепить из Всевышнего дурака, если на данный момент накоплен такой массив достоверной аргументации о перевоплощении душ, что дальнейшие ответы и проповеди церковников на эту тему становятся чем-то неприличным и оторванным от действительности, вызывая саркастическую усмешку.

Недалеко же мы ушли в постижении смысла жизни, если от нас до далёкого Джордано Бруно, сгоревшего на костре под чтение Библии его палачом, истекло столько же времени, сколько от него до катаров, сожжённых за то же самое. А если приводить примеры массовых сожжений староверов в XVII веке, массовых расстрелов населения в гражданскую войну, массовых казней репрессированных в мирное время и гибели миллионов от сумасбродной Приватизации в XX веке, исчезает всякий смысл упоминать о какой-то глобальной парадигме нравственности. Ведь таковая или есть, или её нет, и никогда не было. И, значит, вместо неё были безнаказанно навязаны деструктивные, кустарные парадигмы, которые привели к тяжким историческим следствиям, за которые тоже никто не отвечает. Если бы это было не так, Николай II не носили на хоругвях, Ленин не лежал в Мавзолее, у праха Сталина не проводили митинги и не называли олигархов столпами экономики, которая не в состоянии прокормить население. Вот что такое «глобальная парадигма», если

кто-нибудь пока не видит её связи с повседневной жизнью, считая лишним забивать голову мудрёными словами. А слово это означает всего-навсего систему воззрений, выражающих действительность, например, вечное загробное прозябание либо небытие и прочие заскоки изобретателей. Одно поражает — как такую кроваво-ухабистую историю можно называть великой и героической? Мы что, с инопланетными полчищами монстров сражались? Или надо напоминать, кому и за что ставили памятники, и что утверждали переписанные один за другим школьные учебники, рассказывающие, что «у нас не всё так плохо»? Никакой преемственности, никаких попыток обуздать деструктивный дисбаланс интересов меньшинства и большинства и объединить народный потенциал, чтобы выйти на гладкую столбовую дорогу. Не выгодно меньшинству. Его вполне устраивает одноразовая жизнь, которая гарантирует сытый комфорт до конца дней, и потому оно всегда было согласно с сытым попом или советским партократом с отретушированной на портрете физиономией. Теперь их преемники ставят памятники князю Владимиру, распространителю христианства, и Иосифу Сталину, борцу за благо народа. Но прежняя мораль растоптана, общее достояние роздано с молотка, десять лидеров с конца позапрошлого века по настоящее время оставили народ в нищих, бесправных дураках, — такова цена памятникам.

Безусловно, дальнейшую судьбу фиктивного религиозного закона одноразовой жизни душ с последующим всеоб-

щим воскресением их истлевших тел и фальшивых канонов псевдотеократии будут решать помудревшее Человечество и неумолимое Время. Это время уже на подходе, о чём власть имущие хорошо знают и прикидывают, как им выкручиваться и какую ложь на лжи ещё нагромоздить. «А катары... какие-то сектанты-отщепенцы от христианства... миф о сотнях костров... это же было так давно, что стало неправдой, — подумает иной. — Вон, общество прогрессирует: космический туризм, заказ еды на диван, смартфоны разве что носки не стирают». Соглашусь — скоро совсем отупеем. И когда всё вдруг исчезнет, так и не поймём, за что? Потому что закалённое огнём наследие нелюдей Святой Инквизиции о разовой душе триумфально шествует по Святой Руси и её окрестностям.

Отрицание кармы настоящей жизни за прошлую и в будущей — за настоящую, превращает жизнь поколений в беспрерывную неосознанную расплату. И потому «история не может быть другой», сколько бы мы не искали виноватых среди сталиных-ельциных или чем бы их не оправдывали. Это бессмысленно — кармическое искупление будет преследовать обладателя души до тех пор, пока она не станет вознесённой и святой. Другого пути у человека нет, есть просто удобные кому-то «правила жизни», исходящие из отрицания духовных законов. Так было при крепостной барщине, казарменном социализме и постсоветском ярме буржуа, «власти немногих» сытого меньшинства. Именно в этом причи-

на отсутствия в словах «демократия» и «народовластие» реального смысла — в стране незыблемого паразитизма и многовекового культа чиновника их никогда не было. А мелкие уступки народу были лишь средством поддержания системы в рабочем состоянии и завинчивания её гаек.

Даже вызывающий теперь ностальгию «развитой социализм» на деле был государственным капитализмом с элементами рабовладельческого строя, отбирающим прибавочную стоимость и держащимся на насилии. Поэтому классикам марксизма-ленинизма за такую «научную» классификацию общественно-экономических формаций на основе атеизма, надо ставить большой жирный «неуд» и считать их учение «недоношенным извращением», превознесённым его апологетами-материалистами. Эти идеологические трутни никогда не понимали разницу между умственным и нравственным развитием и подменяли совесть души тиражами «Морального Кодекса». Нравственность — это заслуженное веками качество отрицаемой ими души, а их мораль — инструкция, высиженная неодухотворённой руководящей задницей и повешенная на стенку для обозрения.

Ещё раз. В основе общественного прогресса лежит не переодевание смертных в шкуры, тоги, камзолы, фраки и костюмы; не рубила, колёса, тачки, станки и даже не искусственный интеллект. В его основе — степень развития Духа, позволяющая находиться на определённом уровне Духовного мира между воплощениями, вплоть до их прекра-

щения. Количество страданий физического тела, воплощённой и развоплощённой души измеряется лишь накопленной в телах кармой. Больше кармы — тяжелее последующая земная судьба, заставляющая обвинять всех, кроме себя. Следовательно, «философский экстремизм» поводырей не имеет с улучшением жизни ничего общего. Так они улучшают свою, и это доказано жизнью царской камарильи, советских партократов и патологической алчностью приватизаторов. Иначе бы, насильственное уничтожение от 70 до 90 миллионов человек за XX век не стеснялись назвать геноцидом русского народа. И каждый раз причиной и следствием варварства была моральная несостоятельность искусственной парадигмы, от которой приходилось отказываться. Лживая демагогия попов и материалистов, в которой учёным не дают разобраться, слишком дорого обходится российским гражданам. Выход один — придать им почётный статус «кружка по интересам» со свободой вероисповедания на обочине столбовой дороги и пойти по ней со всеми желающими. В теории игр это называется созданием замещающей альтернативной реальности.

Подлинное равенство, как между людьми, так и перед Богом, вытекает лишь из реинкарнации, а не земного статуса, который никакого значения для Всевышнего не имеет. Те, кто на земле занимали высокое положение, после смерти нередко оказываются на самом дне духовной иерархии Мира душ, что противоречит церковной и материалистической

парадигмам. Патологическая ложь сильных мира сего о его устройстве делает из людей шмакодявок, источник обогащения и расходный материал, ибо крылатый цинизм приговорки «бабы ещё нарожают» проявлялся в каждом столетии.

Формирование здорового развитого общества, где бы все люди по-братски поддерживали друг друга, обеспечивается общей целью стремления к духовному совершенству, видя в ней единственную миссию и главный закон Вселенной. Идеологемы одноразовой жизни душ и тел, наоборот, искажают условия этой Божественной цели, демотивируют человека и служат сословной разобщённости и паразитическим интересам, требующим смирения перед ними, как непреодолимой данностью. Но это не Божья данность — проблема в круговой поруке и низменных побуждениях несовершенных душ тех, кто «сочинил» правила управления обществом и выдал их за истину в последней инстанции. К сожалению, тёмные силы тысячи лет делали всё, чтобы эта очевидная логика не стала достоянием народов и осталась в забвении. Это тот случай, когда прощение зла по неведению становится невольным предательством и уводит от абсолютной истины о нашем Божественном предназначении. Но правда уже вышла из пепла. И никому не удастся загнать её обратно.

Настоящее предисловие раскрывает основные причины, по которым была написана эта книга. Думаю, рассказанная история нуждается в сопутствующем контексте нашей действительности, необходимом для более глубоких выводов

или мнений. Ведь ради этого и обращаются к читателю.

*

Все персонажи и события являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми, организациями или событиями случайны и непреднамеренны. Автор не преследует цели оскорбить чьи либо религиозные или политические взгляды.

Ни огонь, ни меч, ни смерть не разлучат нас с правдой. Ибо правда это Бог, а Бог — это любовь. А любовь не умирает.

Из песни катаров, идущих на костёр, XIII век

Задумайтесь: если церковь боится правды, значит, ей есть что скрывать.

Средневековая пословица Лангедока

Еретик не тот, кто сгорает на костре, а тот, кто его разжигает.

Слова на памятнике в Монсегюре

И сказали ученики Учителю: «Господи, если мы умрём, где будем?» И ответил Он: «Там, где были до рождения. Ибо дух вечен, а тело — только одежда. Вы будете возвращаться, пока не

научиться любить».

Из древнего апокрифа

Можно покаяться в кострах, но нельзя покаяться в заведомой правде, которую эти костры пытались сжечь. Ибо тогда пришлось бы признать, что ада нет, а есть лишь бесконечный путь к свету. Поэтому ожидать покаяния в бесчеловечном насилии и длящейся лжи от врага рода человеческого не приходится.

Автор

Лоре

ПРОЛОГ. 16 МАРТА 1244 ГОДА

Ветер свистел в ущельях, срывая последние клочья тумана с пиренейских склонов. Он дул с севера, из Франции, где король и церковь давно уже поделили шкуру юга. Он дул на Монсегюр — последний камень, последний оплот, последнюю надежду.

Пьер Роже де Мирпуа смотрел на эту гору уже четвёртый час. Он стоял на соседнем уступе, скрытый соснами, и пальцы его до крови впивались в кору дерева. Внизу, у подножия, копошились люди. Тысячи. Крестоносцы, солдаты, слуги епископов. Они жгли костры, чистили оружие, смеялись. Они ждали зрелища.

Пьер опоздал.

Он ушёл из крепости три недели назад, чтобы привести подмогу. Граф Тулузский был разбит, король Арагона мёртв, но Пьер верил: где-то есть ещё рыцари, ещё верные, ещё те, кто не предал. Он ошибался. Его гнали от ворот к воротам, смеялись в лицо, грозили выдать инквизиции. Катар — значит еретик. Еретик — значит враг. Враг — значит костёр.

Когда он вернулся, Монсегюр уже пал.

Переговоры длились две недели. Осаждённым обещали жизнь, если отрекутся. Двести пять человек сказали «нет». Их держали внизу, в долине, окружённых солдатами, как скот. Пятнадцать дней им давали срок, чтобы покаяться.

Они молились и постились. Пятнадцать дней Пьер прятался в лесах, выжидая, надеясь на чудо. Чудо не пришло.

И вот сегодня, на рассвете, их повели на костёр.

Пьер видел их сейчас. Они шли вереницей по каменистой тропе. Мужчины и женщины, старики и дети. В белых одеждах, с непокрытыми головами, с глазами, устремлёнными в небо. Они пели.

Пьер узнал эту мелодию. Он сам пел её сотни раз на ночных собраниях, в пещерах и лесных часовнях. «*Veni Creator Spiritus*» — «Приди, Дух животворящий». Голоса плыли над долиной, перекрывая свист ветра и лязг оружия. Солдаты умолкали, глядя на это шествие. Даже они, наёмники и убийцы, чувствовали: сейчас происходит что-то, чего не должно быть.

Пьер искал глазами своих.

Вот старый Раймонд, который учил его читать Писание. Вот Марта, что пекла хлеб для всей общины. Вот Жанна с младенцем на руках. Ребёнок не плакал, смотрел по сторонам большими синими глазами. Жанна что-то шептала ему на ухо.

А вот и они.

Эсклармонда. Его жена.

Она шла во втором ряду, прямая, как стрела. Её золотистые волосы, которые он так любил распускать по ночам, были убраны под скромное покрывало. Она не оглядывалась. Она смотрела вперёд, туда, где уже поднимался дым от пер-

вого костра. Рядом с ней, держась за руку, шёл маленький Рамон. Пять лет. Его сын.

Пьер хотел закричать.

Он хотел выбежать из леса, прорваться сквозь строй солдат, схватить их, унести. Но ноги не слушались. Тело стало каменным. Он мог только смотреть.

Пьер узнавал их. Всех.

Вот старый Раймонд Агюйе, диакон из Сабартеса — он крестил Пьера много лет назад. Рядом с ним Гийом Дежан, другой диакон. Чуть поодаль — Понс Набона и его сестра Арсенда, они пришли в общину вместе, брат и сестра, и теперь умирали вместе. Бернард де Сен-Мартен, рыцарь, сложивший оружие, чтобы принять утешение. Гийом Разуль, ткач из Фанжо. Раймонда Кюк, вдова, отдавшая всё имущество на помощь беглым Совершенным.

Пьер видел семью Перейль — старую Корбу, её дочь Эс-клармонду, тёзку его жены, внуку Арпаиду. Три поколения женщин, идущих на костёр. Рядом с ними Маркезия де Лантар, знатная дама из Лорагэ, оставившая замки и титулы ради веры.

Вот епископ Бертран Марти, глава всей Тулузской церкви катаров. Он шёл медленно, опираясь на посох, и благословлял каждого, кто встречался ему глазами. За ним — его Старший Сын Рамон Агюйе, готовый принять ту же смерть, что и его духовный отец.

Пьер узнавал их всех. Двести пять человек. Двести пять

жизней, которые он не мог спасти.

Вот Гийом Айкар, Понс Капель, Бернар д'Овезен. Вот Бруна, жена Арно Домерка, и сам Арно — они держались за руки, как в день свадьбы. Вот Пейре де Ма, Арно Орльяк, Раймонд де Марсей. Ткачи, мельники, рыцари, вдовы, девы. Люди, которых он знал по именам, с которыми делил хлеб и молитву.

Они спускались с горы к огромному костру, сложенному у подножия — на лугу, который местные потом назовут Прат дель Краматс, Луг Сожжённых.

Первый костёр уже занялся. Людей привязывали к столбам верёвками, чтобы не упали раньше времени. Палачи работали быстро и деловито. Монахи в чёрном стояли поодаль, читая молитвы, — кадили ладаном, заглушая запах дыма и гари.

Эсклармонда остановилась у своего столба. Она повернула голову. Не туда, где прятался Пьер, — она не могла знать, что он здесь. Она повернула голову на восток, туда, где вставало солнце. Туда, откуда, как верили катары, придёт Святой Дух и заберёт их души.

Пьер увидел, как шевельнулись её губы. Она что-то сказала Рамону. Мальчик кивнул. Солдат подхватил его, привязал к соседнему столбу. Маленькое тельце болталось на веревках, не доставая ногами до земли.

И тогда Пьер понял: он ничего не сделает.

Он трус. Он опоздал. Он жив, а они умрут.

Факелы коснулись хвороста. Пламя побежало вверх, жадно хватая сухие ветки. Дым повалил густой, чёрный, закрывая людей от глаз. Пение не смолкало. Оно становилось громче, словно души рвались из тел, стремясь ввысь.

Потом раздался первый крик. Женский. Пьер не понял, Эсклармонды или другой. Потом второй. Детский.

Пьер упал на колени. Он зажимал уши руками, но крики проникали сквозь пальцы, сквозь кожу, сквозь кости, прямо в мозг. Он слышал их всех. Двести пять голосов, слившихся в один огромный вопль боли и веры.

Ветер дул с севера. Ветер дул с костров. Он нёс запах горелого мяса, и Пьера вырвало.

Когда он поднял голову, солнце уже стояло высоко. Костры догорали. Солдаты разгребали пепел длинными палками, ища золото и ценности, которые не сгорают. Монахи записывали имена в книгу смерти.

Пьер смотрел на дым, уходящий в небо.

— Слышишь ли Ты меня, Господи? — прошептал он. — Если Ты есть. Если Ты там, куда они ушли. Слышишь?

Небо молчало.

— Я проклинаяю их, — сказал Пьер громче. Голос его сорвался в хрип. — Я проклинаяю эту церковь. Я проклинаяю этих слуг Твоих, что жгут детей во имя Твоё. Я проклинаяю их самих, и детей их, и внуков, и правнуков, до самого последнего колена. Пока стоит земля, пусть правда, которую они сожгли сегодня, встанет у них поперёк горла. Пусть они

подавятся нашей кровью.

Он встал, вытирая губы рукавом.

— Я расскажу. Я не дам им умереть зря. Я запишу всё. Каждое слово. Каждое имя. И когда-нибудь, через сто лет, через тысячу, мои слова найдут того, кто докричится. Тот, кто прочтёт, узнает, за что мы сгорели. Не за ересь. За правду.

Он повернулся и пошёл в лес, прочь от дыма, прочь от пепла, прочь от всего, чем была его жизнь.

За его спиной ветер разносил серый пепел над долиной. Пепел оседал на траву, на камни, на лица отворачивающихся солдат. Пепел катаров. Пепел правды, которую не сжечь.

ЧАСТЬ I КОСТЁР

ГЛАВА 1 ГИПНОЗ

Москва, наши дни. Февраль. За окном мелкий снег налипал на стекло, превращая вечерний город в расплывчатое пятно огней. Алексей сидел в кресле, откинув голову на подголовник, и старался дышать ровно. В комнате пахло деревом и лёгкой прохладой — кондиционер работал бесшумно, но чувствовалось, что за окном минус.

— Расслабься, — голос Сергея звучал мягко, как будто издалека. — Ты в безопасности. Здесь только ты и я.

Алексей хмыкнул про себя. Безопасность. Смешное слово для человека, который последние пять лет копался в архивах, изучал еретические движения Средневековья и писал статьи, которые никто не читал. Безопасность — это когда не больно. А больно ему было всегда.

— Лёш, не думай. Просто слушай мой голос.

Сергей сидел напротив, в таком же кресле, держа в руках блокнот и ручку. Они дружили с института, хотя после окончания разошлись: Алексей ушел в историю, Сергей — в психологию, стал специалистом по регрессивному гипнозу. Иногда они встречались, пили пиво, спорили о природе памяти. Сергей утверждал, что подсознание хранит всё — не

только события этой жизни, но и следы прошлых. Алексей крутил пальцем у виска: «Это не наука, это эзотерика для домохозяек».

И вот теперь он сам сидел в кресле, потому что Сергей уговорил: «Просто попробуй. Если ничего не выйдет — значит, я шарлатан. А если выйдет — ты получишь материал, которого ни у кого нет».

— Ты видишь свет, — продолжал Сергей. — Он мягкий, тёплый. Иди на него. Там лестница. Ступени вниз. Десять ступеней. Спускайся медленно...

Алексей почувствовал, как веки тяжелеют. Он ещё пытался сопротивляться, держаться за реальность: вот ковёр на полу, вот часы тикают, вот запах кофе из кухни. Но голос Сергея тянул его куда-то, где не было ни ковра, ни часов, ни запахов.

— Пять ступеней. Ты чувствуешь, как воздух становится другим? Ты идёшь дальше. Три ступени. Две. Одна. Ты стоишь у двери. Открой её.

Алексей открыл.

И сразу же задохнулся.

Запах. Густой, удушливый запах дыма. Не табачного, не костра, а именно гари — жжёного дерева, жжёной плоти. Его вывернуло бы, если бы он мог двигаться. Но тело не слушалось. Он видел.

Гора. Серая скала, уходящая в небо. Внизу долина, и в долине — огни. Много огней. Костры. Люди вокруг них, ма-

ленькие, как муравьи. И звук. Пение. Мелодия, которую он никогда не слышал, но от которой внутри всё сжималось.

— Что ты видишь? — голос Сергея донесся откуда-то сверху, сквозь вату.

— Гору... костры... — собственный голос показался чужим, хриплым. — Поют...

— Кто поёт?

Алексей пытался разглядеть. Перед глазами плыло. Он видел женщин в белых одеждах, мужчин, детей. Они шли куда-то, туда, где огонь. Им не больно, они не кричат. Они поют.

— Они идут на костёр, — сказал Алексей, и вдруг острая, рвущая душу боль пронзила его. Не физическая, а какая-то другая, древняя, похороненная глубоко внутри. — Там женщина... светлые волосы... рядом мальчик...

— Ты знаешь их?

— Не знаю. Но... Господи, как же больно...

Слёзы потекли по щекам. Алексей не мог их остановить. Он чувствовал потерю, такую огромную, что мир вокруг померк. Кого-то самого родного жгли сейчас на этом костре, а он стоял в стороне и не мог помочь.

— Это моя жена... сын... — прошептал он, не понимая, что говорит. — Я не успел... я опоздал...

Картина поплыла, закрутилась. Пепел летел в лицо, забивал глаза. Голоса стихали, превращаясь в шёпот, потом в тишину. Только ветер свистел в ушах.

— Алексей, возвращайся. Лёша!

Чей-то голос звал его. Он цеплялся за него, как утопающий за соломинку.

— Открой глаза. Ты здесь, в Москве. Всё хорошо.

Алексей открыл.

Потолок. Люстра. Сергей склонился над ним, вглядываясь в лицо.

— Ты как?

— Нормально, — голос сел. Алексей кашлянул, провёл рукой по лицу — мокро. — Что за чертовщина?

— Ты помнишь, что видел?

— Гору... костёр... — Алексей помнил всё. Каждую деталь. Запах, который до сих пор стоял в ноздрях. Женщину с золотистыми волосами. Мальчика. И чувство вины, которое придавило его к земле. — Серый, это просто глюки? Самовнушение?

Сергей покачал головой.

— Ты слишком скептик, чтобы самовнушение дало такой эффект. Я записывал сеанс. Ты говорил на каком-то языке. Я не понял ни слова.

— На каком языке?

— Не знаю. Похоже на смесь латыни и французского. Я скину тебе запись.

Алексей сел, вытер лицо платком. Руки дрожали. Он не верил в реинкарнацию. Никогда не верил. Катары, которыми он занимался, верили — за это их и сжигали. Но для него это

была просто история, пыль веков. А сейчас он чувствовал себя так, будто сам побывал в том аду.

— Сергей... Мне нужно знать. Это... гипноз — способ проникновения в прошлую жизнь? Что говорит церковь? — он с трудом формулировал свои мысли.

— Давай перенесём разговор. Заедешь через несколько дней, поговорим. Понимаешь, ты ещё там — там, где побывал.

— Нет. Сейчас. Хотя бы самое главное.

— Хорошо. О церкви. Она против этого. Мотивы — насилие над личностью, игра мозга и вмешательство бесов. Я читал брошюрку одного попа, купил в церкви. Называется «О реинкарнации». Он пишет, что люди в трансе называют себя именами из учебников истории или прочитанных книжек. Это полный бред — человек под гипнозом описывает свою прошлую жизнь и называет своё имя. Таких случаев выявлены десятки тысяч. Сплошные Луизы и Шарлотты в рваных чулках из рабочих предместий, с мужчинами то же самое. В некоторых случаях следы прошлых жизней можно обнаружить. Тот же поп пишет, что горшки с золотыми монетами, закопанные в прошлой жизни, находят только голливудские режиссёры. Расчёт этого конченного вруна в том, что люди не будут лазить в специальную литературу. Попы любят послушание и невежество. Они настолько примазались к Господу, что люди до сих пор путают церковь и Всевышнего.

— Ладно. Что говорит наука?

— Подтверждает истинность. Разумеется, теория коллективного бессознательного, откуда можно черпать всё, что угодно, тут ни при чём.

— Чем это подтверждается?

— Например, следами прошлых жизней в окружающей среде и на теле, взаимосвязями фактов. Майкл Ньютон занимался погружением в ретроспективный транс почти всю жизнь, а затем люди начали описывать ему свою жизнь между воплощениями. Его пациенты всегда отмечали посмертный анализ ошибок, допущенных в теле, общение с родственными душами, заблаговременный выбор следующей жизни и подробное устройство духовного мира. В науке это служит критерием достоверности. Поэтому имя этого исследователя церковь боится даже произносить. Одному попу на телевизоре был задан вопрос по телефону о его книгах и реинкарнации. Он начал порочить учёного в прямом эфире, не прочитав его книг.

— У него есть последователи?

— Немало. Создан институт его имени, филиалы — по всему миру. Написаны сотни, тысячи книг. Долорес Кэннон, Сильвия Браун, Линда Бэкмэн занимались тем же, что и Ньютон. Все они говорят о реинкарнации, как о естественном и доказанном явлении.

— Значит...

— Это значит, что церковь, отрицая реинкарнацию, будет порочить гипноз, гипнологов и достоверность свидетельств,

полученных в состоянии транса, до морковкиного заговенья.

— Понятно.

— Тогда, как историк, ты должен усвоить одну вещь...

— Какую?

— Одноразовую жизнь и реинкарнацию невозможно доказать посредством того, что в науке принято считать доказательством — физическим и измеряемым. Но если брать аргументы чистого разума, одноразовая жизнь превращается в простую фикцию, а реинкарнация — в жёсткую реальность. Доказательственная база огромна. Я занимался этим специально, поэтому знаю, о чём говорю.

— Ты говоришь о том, что церковь лжёт и опровергнуть её ложь не дадут.

— Ни церковь, ни государство. Ты всё правильно понял. Знаешь, почему гипнологов не жгут на кострах?

— Ты что, серьёзно?

— Конечно. Во-первых, для того, чтобы держать народы в темноте, пока достаточно церковной лжи, а во-вторых, такое уже не сойдёт с рук мракобесам.

— Логично.

— Главное в другом. Если лживую поповскую доктрину взять за жабры по-настоящему, церковь не остановится ни перед чем. Почему Мишель Нострадамус был против культа святых? Потому что невозможно стать святым за одну жизнь.

— На кону жизнь всей организации.

— Вот именно. И все хотят жрать, оттого и врут. Мой вывод: попы запустили цивилизацию вразнос.

— Ты не преувеличиваешь?

— Нимало. Ты просто ещё не осознал разницу парадигм. Церковная — это установка на послушание, подчинение навязанному образу жизни, страх, ожидание единственной, неизбежной и окончательной смерти с вечным загробным ничегонеделаньем. Вселенская — это бесконечное развитие, переход из тела в тело до абсолютной чистоты души при послушании не попу, а Богу. Увидел разницу?

— Да. Наверное, каждая следующая жизнь будет зависеть от предыдущей. И тогда на белом свете нет смысла чудить.

— Золотые слова. Ты сделал главный вывод из реинкарнации. Карма не отмаливается, мы переносим её из настоящей жизни в будущую и получаем сломанную судьбу. Церкви это известно, по крайней мере, верхушке, включая настоятелей монастырей.

— Я обычный историк. Но сейчас понимаю, что революции и приватизации затевали идиоты.

— Они не идиоты. Они враги рода человеческого, которые одурачили Человечество верой в одноразовую жизнь. Одна из моих любимых цитат: «Когда все идут по пути безнравственности, этого никто не видит».

— Ты так спокойно об этом говоришь.

— А зачем кричать, когда все спят? Не буди спящего, накорми проснувшегося, иначе, съездят по уху. Как-нибудь

вернёмся к этому разговору. Кстати, твои обширные исторические познания есть то, на что стоит экстраполировать оба закона — объективный и церковный.

— Видимо, придётся. Твою логику я понял.

— Ты в порядке? Довезти?

— Сам доеду.

Алексей встал, ноги держали. Сергей проводил его до двери, сунул в руку флешку.

— Послушай. Подумай. Может, это ключ к чему-то.

Выйдя на улицу, Алексей вдохнул морозный воздух. Февраль, Москва, машины сигналият в пробке. Нормальный мир. Но запах гари не уходил.

Он сел в машину, включил двигатель. И вдруг понял: та женщина на костре. У неё были его глаза. Он точно это видел. Её глаза, когда она повернулась перед смертью, были точь-в-точь его, только в другой оправе.

Дома он не мог заснуть. Включил запись. Из динамика донёсся его собственный голос — хриплый, рыдающий, выкрикивающий слова, которых он никогда не учил. Язык звучал странно, но Алексей, к своему ужасу, понимал его. Не умом, а где-то в животе, в костях.

Он говорил: «Эсклармонда, я с тобой. Рамон, я люблю тебя. Простите, что не пришёл».

Утром он позвонил матери.

— Мам, у нас в роду были французы?

— Французы? — мать удивилась. — Папа твой из тамбов-

ских, я с Урала. Хотя... его бабка говорила, что её предки откуда-то с запада приехали. Ещё при царях. Фамилия у них была странная, я забыла уже. А что?

— Ничего, мам. Просто так.

Алексей положил трубку и посмотрел на полку с книгами. Там стоял толстый том «История альбигойских войн». Он взял его, открыл на закладке. Монсегюр. 1244 год. Сожжение двухсот катаров.

С фотографии в книге на него смотрели развалины замка на горе. Та самая гора, которую он видел сегодня ночью.

И вдруг он понял: история больше не пыль. Она — внутри.

Разговор с Сергеем не выходил из головы. В сознании крутилась его фраза о том, что попы «примазались» к Господу, из-за чего людям стал неведом закон естественной жизни.

Какой же он тогда историк, если он изучал суть христианства и роль реинкарнации в жизни катаров столь формально, что не смог постичь вопиющую разницу между ними? Он не смог сделать даже элементарный вывод, доступный школьнику: правильным может быть только одно из двух. Такой выбор требовал выведения противоположных следствий — совсем противоположных.

Катары относились к исповедникам раннего христианства, считавшим перевоплощение душ неотъемлемой и главной частью их веры. Катары (с греч. «чистые») сами называли себя просто «хорошими христианами» или «друзьями

Бога». Раннему христианству была свойственна вера в реинкарнацию, в том числе, манихеям и богомилам, согласно первозданному учению Христа. В Германии их тоже звали катарами, во Франции — также ткачами (по ремеслу), в Италии — патаренами. Как же попы сумели нагадить в головы европейцев, если те напрочь забыли, в чём заключалось истинное христианство, и ничего не заметили? Но разве в России попы не сотворили со своим народом то же самое? Разве в России не считали церковь вдохновителем и организатором эксплуатации народа, а церковников — паразитами? И разве не в России после 17-года народ припомнил им, как их предшественники сжигали в срубах предков, приверженных к старославянской вере?

Все они — катары, богомилы, манихеи, верили в реинкарнацию, и это такой же непреложный исторический факт, как и то, что первозданная вера была причиной массовых сожжений. Изверги? Нет, церковным тварям найдётся более подходящее наименование, потому, что их лживая вера служила целям подавления и подчинения личности. А катары, веря в реинкарнацию, отправляли богослужение только с помощью гимнов и молитв, и это не было случайностью.

Существовало несколько академических источников, авторитетно описывающих учение катаров, их организацию, отношение к таинствам. В одном из них, книге 2015 года Эндрю Филиппа Смита, целая глава была посвящена «Трансмиграции душ» — реинкарнации. Английский психиатр Артур

Гирдхэм ещё в прошлом веке был убеждён, что он и его пациенты были катарами в прошлых жизнях. Его работы стали основой неокатарского движения, вызывавшего у псевдохристианской церкви плохо скрытую ненависть и сожаление от упразднения инквизиции.

Алексей начал вспоминать, в чём состояла вера его далёких предков.

Катары верили, что души заключены в материальные тела, как в тюрьму. Цель: через череду воплощений очиститься и вернуться к Богу, что прямо подразумевает многократные рождения. В одном из катарских текстов ему встретилось прямое указание на это: «Все души хороши и равны между собой, и все будут спасены. Никто не будет исключён из Божественного спасения. Если все будут спасены, но не за одну жизнь (ведь большинство умирает грешниками), значит, нужны новые жизни для очищения». Логика была железной. Она исключала церковное насилие и спекуляции на спасении путём таинств, обрядов и индульгенций, лишая церковь главного рычага управления.

Для средневековой церкви идея многих жизней «расслабляет» человека: он перестаёт бояться ада и покупать индульгенции — это прямая угроза доходам и власти. Алексей понял, что русская церковь руководствуется тем же принципом, скрываемым за поповским лицемерием и выражением одухотворённости на лице от близости к Господу. Карма настаивает в следующей жизни неотвратимо, поэтому отговорка

церкви была враньём.

Катары расходились с католиками по множеству вопросов. Эти расхождения указывали на то, что псевдохристианство являлось надуманной, искусственной религией, призванной для управления большими массами людей в целях обладания властью и материальными ресурсами. Теперь Алексею казалось, что его давний интерес к истории катаров был вовсе не случайным, и гипноз это подтвердил.

Они считали конструкцию Святой Троицы ложной, поскольку видели в Христе человека, а в Святом Духе вовсе не то, что сопровождало церковную деятельность. Для «святой церкви» святыми были и Престол, и Инквизиция, и отцы церкви, и Крестовые походы во Имя Господа. Это было нельзя назвать принятием желаемого за действительное — настолько всё было пронизано лицемерием и насилием. Поэтому лучшим местом для тогдашних святых отцов послужила бы металлическая клетка зоопарка с предупреждением зрителей не кормить и не тыкать палками через прутья решётки. Как известно, Константин Великий предложил в 325 году собственный Символ веры — считать Отца и Сына Единосушными. Речь тогда шла об объединении поместных церквей под эгидой государства и территориальной экспансии римской власти. В конце концов, на I Вселенском соборе в Никее универсальный административнополитический инструмент воздействия на людей был создан, церковь и государство стали единым механизмом проявления силы и мра-

кобесия. Ни больше, ни меньше.

Благодаря сложности нечёткого множества искусственной конструкции Святой Троицы, церковные ублюдки заменили объективный кармический фактор состояния души страхом перед пытками инквизиторов и адской вечностью. А далее «чудеса» органично следовали друг за другом — Всеобщее Воскресение, Второе Пришествие, Страшный Суд, отодвинутые на столь необозримое время, что интересовали не больше, чем прошлогодние осадки дождя и снега. Самопальному учению требовались логический конец Мировой Истории и завершающая страшилка.

Правда, и данная «триада роковых событий», каким-то чудом предсказанная отцами церкви, легко укладывалась в психиатрический диагноз и его атрибуты — смирительные рубахи, инъекции аминазина и окна с решётками. Пожизненно. До не приметного столбика с прибитым номером, заросшего крапивой.

Символ веры — Святая Троица, выданный за объект поклонения, никак не мог играть роль закона, но предполагал лжезакон единственной жизни души и её бесконечного загробного местонахождения, внедрение которого являлось целью новой религии. Тем самым скрыли закон кармического искупления в настоящей жизни за прошлую и в будущей — за настоящую. А главным содержанием «управляющей» деятельности церкви стали непрерывный обман и насилие над личностью, ибо Константин Великий предусмотритель-

но заявил, что отныне всякая власть от Бога. Его безумие поставило знак тождества между Богом, его «наместниками» и светской властью и было пресечено в России после 1917-го.

Таким образом, в основе многовекового бесчеловечного сожжения «еретиков» лежали не отдельные мелкие искажения христовой веры, а полная фиктивность системы верообразующих постулатов — фальшивых канонов и догм, признаваемых и защищаемых современной церковью. Но нужна ли людям в XXI веке такая церковь и такие клирики, которые отстаивают перед паствой самодельные элементы веры, не опасаясь её прозрений? И найдётся ли достойное место подобной отсебятине, в которой не создалась ни одна падла инквизиции? А разве для трудов классиков по тупорылому материализму и недостижимому коммунизму не нашлось? На исторической обочине места хватит всем, даже глумливым, замызганным кровью святошам и их преданным идеологическим наследникам. Не стоит брать дубину и гнать «святое семейство» за околицу — достаточно внятно сказать им то, что о них думают. Публично и громко, чтобы все слышали.

Мало того. «Еретики» не почитали сам крест, считая его орудием казни. Кроме того, они отрицали иконы, называя их идолами, что олицетворяло для них единственную земную жизнь души и культ персоналий. Церковные здания, по их мнению, тоже были не нужны, ибо «Бог везде». Семь таинств, известных ныне современному человеку, через кои, по канонам церкви, лишь возможно спасение, принимались

ими за дьявольский обман. Это перекликалось с антирелигиозной цитатой Льва Толстого, не так давно признанной в постсоветской России экстремистской, включающей слова «колдовство» и «суеверие».

И это было ещё не всё. Исповедь признавалась только публичная, перед общиной, а не регулярная, обязательная, за нарушение чего верующие несли ответственность, чтобы постоянно находиться под церковным контролем.

Катары отвергали Ветхий завет, кроме книги Бытия, отождествляли с дьяволом Иегову, отрицали таинство брака, запрещали клятвы, так как человек должен поступать по совести. На убийство, в том числе, животных, накладывался абсолютный запрет.

Сказать, что такая вера противоречила Святому Престолу Папы Римского и его Святой Инквизиции, — ничего не сказать. Она выворачивала католическую веру наизнанку и демонстрировала её грязное, вонючее, удушающее нутро, вызывая справедливое отвращение к церковным выродкам.

Алексей только теперь смог осознать, что вера катаров вытекала из реинкарнации, её цели абсолютного совершенства и подлинного соединения с Господом. Такая вера не придётся по нутру ни одному ряженому ублюдку-инквизитору, потому что означает скорую потерю власти, денег и лишает возможности околпачивать своих подданных.

И только сейчас, когда до него дошло, почему знание истории не помогло ему раньше придти к этим выводам, его

психическое напряжение стало ослабевать. Потому что многовековая ложь и тотальное принуждение к тому, «как надо жить», выхолостили самосознание людей окончательно. По сути дела, нравственный прогресс общества в третьем тысячелетии продолжал находиться в зависимости от мракобесия церковников и их догматов.

Нет, конечно, он и раньше понимал, что история его страны — абсурд на абсурде, который погоняют абсурдом. Но, как и большинство историков, он не выделял системообразующий фактор этого абсурда — абсолютное извращение и игнорирование глобального закона естественного развития человеческой души. И помог ему в этом его старый верный друг Сергей. А то так бы и оставался в приятном заблуждении, что история Человечества зависит от метода «научного тыка» «добрых» и «злых» царей. Поди, догадайся, что всё дело в попе-толоконном лбе, который примазался к Всевышнему и безнаказанно нёс отсебятину.

Он подумал, что ему давно следовало навестить мать, с которой он в последнее время лишь созванивался.

ГЛАВА 2 БАБУШКИН СУНДУК

Мать жила в Орехово-Зуево, в старой хрущёвке, где пахло нафталином и кошками. Соседские кошки приходили к ней на запах колбасы, хотя своей у неё не было. Алексей приезжал редко — работа, дела, вечная нехватка времени. Но сегодня он сидел на кухне, пил чай из пузатой кружки и смотрел, как мать суетится у плиты.

— Ты плохо выглядишь, — сказала она, не оборачиваясь.
— Не спишь?

— Работа.

— Работа у него, — мать вздохнула. — Жениться тебе надо. Вон, Наташка из сорок восьмой квартиры развелась, мужик у нее алкаш был, а так баба ничего.

— Мам, я не про то.

Алексей допил чай, поставил кружку. Он приехал не жениться. Он приехал за ответами.

— Мам, ты вчера по телефону сказала про папиных предков. Что за фамилия?

Мать нахмурилась, вытирая руки полотенцем.

— Фамилия? Ох, память уже не та. Девичья бабкина фамилия была... де Р... де Роше? Или де Ришелье? — она засмеялась. — Не Ришелье, конечно. Французская какая-то. Бабка Агафья говорила, что её бабка была из французов, из тех, что в Россию после революции бежали. Или до револю-

ции? Я путаю.

— А документы? — Алексей подался вперёд. — Что-нибудь осталось? Фотографии, письма?

Мать задумалась.

— Был у бабки сундук. Старый, обитый железом. Она его берегла, никому не показывала. Говорила, там приданое. После её смерти я заглянула — тряпки какие-то, иконы старые, книжка одна. Я тогда молоденькая была, неинтересно мне это. Сундук на чердак отнесла. Вроде там и стоит.

Чердак в хрущёвке был общим, забитым рухлядью всех соседей. Пахло пылью, сухой штукатуркой и мышами. Алексей пробирался между коробок и сломанных лыж, освещая дорогу фонариком телефона. Мать ковыляла сзади, ворча:

— Нашёл время разбирать старьё. Мог бы помочь мне картошку перебрать.

— Мам, потом.

Он увидел сундук в углу, присыпанный каким-то тряпьем. Обитый почерневшим железом, с полустёртым узором на крышке. Замок сломан — видно, открывали уже много лет назад. Алексей откинул крышку.

Внутри пахло сыростью и временем. Лежали расшитые полотенца, старая шубейка, несколько икон в медных окладах, стопка пожелтевших книг. Алексей осторожно перебирал вещи.

— Вот это, — мать протянула руку и вытащила книгу в кожаном переплёте. — Я и забыла совсем. Бабка говорила,

это от тех самых французов осталось.

Книга была тяжёлой. Кожа потрескалась, но держалась. На обложке — тиснённый крест, не православный, а какой-то другой, равносторонний, с голубем в центре. Алексей открыл.

Страницы заполнял текст. Латинские буквы, но язык не латынь. Он узнал его — провансальский, окситанский. Тот самый, на котором говорили трубадуры и... катары.

Сердце забилося чаще.

Он листал. Текст чередовался с рисунками — схематичные изображения звёзд, какие-то символы, похожие на руны. На полях — пометки, сделанные другой рукой, более поздние.

— Мам, можно я это заберу?

— Да забирай, — мать махнула рукой. — Кому это надо. Я всё хотела выкинуть, да рука не поднималась.

Дома Алексей не спал всю ночь. Он рассматривал книгу под лампой, фотографировал страницы, пытался перевести. Язык он знал — в аспирантуре брал спецкурс по старофранцузским диалектам. Но этот текст был сложным, архаичным, полным символов, которые ускользали от понимания.

В конце книги он нашел вклеенный лист пергамента — тонкого, почти прозрачного, исписанного мелким, бисерным почерком. Это было генеалогическое древо.

Он проследил ветви. Имена: Адемар, Симон, Раймонда, Эсклармонда... Дальше — Брун, Роже, Пьер... Потом —

французские, потом обрусевшие: Петр, Павел, Агафья... И в самом низу — его мать, Анна Петровна. И он сам. Алексей Алексеевич Орлов.

Ветвь уходила вверх, в XIII век. И там, на самом верху, стояло имя:

Пьер Роже де Мирпуа.

Алексей откинулся на спинку стула. В висках стучало. Тот самый Пьер? Последний катар, оставшийся в живых? Легенда, о которой историки спорили столетиями? Если это правда, то он, Алексей Орлов, — прямой потомок человека, смотревшего на сожжение Монсегюра.

Он вспомнил свой сон. Крик. Женщину с золотистыми волосами. Мальчика.

Эсклармонда. Рамон.

Его жена. Его сын.

Семьсот лет назад их сожгли за веру, а его предок смотрел на это и не мог помочь.

За веру? А за что же ещё? Ведь у катаров была своя христианская церковь, которая проповедовала то, что раздражало Западную и Восточную церкви, отделившиеся друг от друга в XI веке.

Он помнил организацию и иерархию катарской церкви наизусть. Никакого насилия, полная добровольность, только добрые помыслы и любовь к ближнему. Только так можно было войти в **христианское братство единственных законных наследников апостолов**, как называли себя ката-

ры. Поэтому католическая резня в Крестовых походах и пытки раскалёнными щипцами на фоне миролюбивой религии катаров выглядели звериной дикостью.

Все верующие делились на пять духовных уровней: высший, второй, третий, низший и мирян. К высшему уровню относился епископ, глава церкви, имеющий право рукоположения; ко второму — «Старший сын», помощник епископа и наследник его духовных дел; к третьему — «Младший сын», который управлял округом и посещал дома «Совершенных»; к четвёртому — «Совершенные», то есть аскеты и проповедники. К низшему уровню относились верующие — миряне, которые не давали обетов, но чтили учение.

Иерархия катаров строилась по качеству проявления чистоты души через характер человека. Это соответствовало небесной иерархии развоплощённых духов от низших к высшим. В римо-поповской церкви всё было не так, вследствие чего более высокие должности занимали отъявленные негодяи, наиболее способные к управлению стадом верующих. И немудрено, что Ватикан столетиями возглавляли подонки, мерзавцы и убийцы.

Скорее всего, Пьер и его жена Эсклармонда были Совершенными, поскольку женщины общины имели равный статус с мужчинами. Алексею вспомнилось, как на очередном Вселенском соборе в 431 году попы всерьёз обсуждали вопрос о том, считать ли женщину тоже человеком. Положительное решение было принято с перевесом всего в один го-

лос. Разумеется, с позиций того, что один и тот же дух вселяется как в тела мужчин, так и женщин, поповщина занималась мракобесием. И тогда возникает ещё один вопрос: а на каком-таком основании она называет свои невменяемые соборные случки «Вселенскими», если законы и населённые планеты Вселенной ей похрену?

Все факты, с которыми он столкнулся, говорили о том, что он не просто потомок, а потомок духа своего прошлого воплощения. Не каждому дано знать, что он одновременно является и предком, и потомком по духу.

Жгла ли церковь заблудших еретиков или тех, кто действительно нёс истину? Это было ключевым историческим вопросом, поскольку церковным вырождакам-интеллектуалам удалось слепить из Всевышнего дурака в глазах овец и толкнуть паровоз истории под откос, жертвуя подневольными людьми ради шкурных интересов поповской верхушки. В таком случае, речь шла об умышленном преступлении перед Богом и Человечеством, которое исключало неосознанные недоразумения и ошибки, свойственные любому человеческому прогрессу.

Если вскрыется, что западные святые отцы разводили костры по всей Европе, зная об истинности реинкарнации и пытаясь вытравить её идеи из общественного сознания, это затронет его страну, и РПЦ не поздоровится. Ибо её вера тоже была целиком образована на лжи, превратившей историю России в бесконечную трагедию. Потому что, несмотря на

противоречия между католиками и православными, их объединял один и тот же фальшивый верообразующий закон, не имеющий ничего общего с действительностью.

Массовое сожжение катаров могло быть сравнимо с преступлениями гитлеровских нацистов в концлагерях и уничтожением многих тысяч людей репрессивной машиной НКВД по бесфамильным разнарядкам, то есть, невзирая на доказанность вины и причастности к конкретным деяниям. Основанием лишения жизни и свободы служило подозрение в несогласии с последствиями, вытекающими из аксиомы бездушия тел и материализма.

Страной, где церковь всячески оправдывала Крепостное право, государство безжалостно убивало по рассылке безымянных разнарядок или забирало у народа последнее, и геноцид обозначался хитрым термином «незаконные массовые репрессии», управляли породистые сатанисты. Духовная структура Сатаны, образованная из невидимых глазу частиц, позволяла делать вид, что его нет, оставаться неуязвимым в критических ситуациях и исподволь сбивать с панталыка и увлекать идей-фикс массы людей. Эти три качества врага рода человеческого могли быть распознаны народом лишь на духовном уровне. Но именно они лежали в основе его долготерпения и заблуждений, в том числе, о «церкви-матери», «добрых царях» и «светлом будущем». Вот почему аксиомы разовой жизни были идеальным инструментом подчинения и оболванивания, и катары это понимали. По их мнению,

церковь воплощала в жизнь глобальный сатанинский замысел.

То, что делала Западная церковь, было геноцидом, преступлением против человечности, которое не имеет сроков давности. Однако предъявить обвинение исполнителям и организаторам злодеяния было невозможно из-за скоротечности человеческой жизни — за смертью обвиняемых. Инквизиция выполнила свою задачу и поставила мозги набекрень народам земли, так что когда у бодливой коровы отвалились рога, они уже не понадобились.

С другой стороны, доказанность непосредственной связи между злодеянием в отношении катаров и его мотивом обумышленном сокрытии заведомой для виновного истины реинкарнации имела бы далеко идущие последствия. Для кого? Конечно, для длинной череды ряженных преемников, как носителей руководящей лжеистины, сфабрикованной теми, кого уже невозможно привлечь к ответственности.

С правовой точки зрения, доказательственная база должна включать фактические данные не только о законченном составе преступления, совершении его именно обвиняемым и мотиве деяния, но и о наступивших общественно-опасных последствиях. И попробуйте доказать причинно-следственную связь между преступными действиями субъекта и вредными последствиями — историей, запущенной вразнос корпоративным бредом об устройстве Того Света, и историческим регрессом общества. Впрочем, продуктом корпоратив-

ного бреда была аксиома отсутствия души и загробного мира, из-за которой уничтожили тысячи людей и водрузили папачам тьму памятников.

Вывод напрашивался всего один. Если им будет установлено, что церковь скрывала заведомую истину, чтобы выдать правду за ложь, пусть своё слово выскажет народ, у которого никогда ни о чём не спрашивали. И пусть посмотрит в глаза своим попам и чиновникам, как они прикидываются перед ним радеющими дурачками.

Теперь последнее. Официальная линия поведения, реакция и ответ церкви, если прямой умысел на утаивание заведомой истины будет подтверждён, и аргументы будут публично предъявлены. Если скрыть информацию и ликвидировать её источники негласным путём до этого не удастся, церковь будет вынуждена так же публично признать реинкарнацию, оправдав умолчание о ней благими намерениями в интересах общества. Какими бы «умными» они ни были, отказа церкви от своего порочного верообразования всё равно не произойдёт, и, значит, охота за компрометирующими данными и их носителями будет продолжена самыми изощрёнными средствами и методами вплоть до полного подавления истины. Арсенал широк — от убийства, инсценированного под несчастный случай, до фабрикация уголовных дел, от дезавуирования порочащих сведений до их тайных изъятий, от уличных провокаций до дискредитации имени, от шантажа гибелью его близких до угроз с ним расправиться-

ся и от визуального наблюдения и прослушки до внедрения агенты и плотной оперативной разработки.

Он не верил благообразному лицемерию церковников, понимал, что правда явится для них неприемлемым обвинением, и хотел предугадать своё ближайшее будущее. Но что бы с ним не произошло, доказать что-либо на следствии или в суде будет невозможно. Его просто сотрут в порошок, плюнут и ещё раз разотрут. Так же остервенело и безнаказанно, как миллионы его соотечественников, растоптанных во имя кучки избранных. Парадокс: церковь, отделённую от государства, охраняли больше, чем государственные устои от коррумпированных казнокрадов и взяточников, умыкнувших у народа сотни миллиардов долларов. Хотя это не парадокс — это как раз тот строй, который создан на основе религиозной парадигмы одноразовой жизни, чтобы большей частью материальных благ владело меньшинство паразитов и мошенников.

Алексей закрыл книгу и долго сидел неподвижно. За окном светало. Февральский рассвет пробивался сквозь грязные стёкла, ложился полосами на стол, на книгу, на его руки.

Он не знал, верить ли в реинкарнацию. Но он знал точно: то, что он видел под гипнозом, — не выдумка. Это память. Не его, не мозга — а что-то глубже, записанное в крови, в костях, в самой структуре души, если она есть.

Утром он позвонил Максиму.

— Макс, привет. Ты занят?

— Для тебя — всегда свободен, — голос друга был бодрым, хотя на часах восемь утра. — Что случилось?

— Мне нужно показать тебе одну вещь. Это... не по телефону. Ты где?

— В редакции. Давай к обеду.

— Буду.

Алексей положил трубку. На столе лежала книга. Он погладил кожаную обложку, провёл пальцем по тисненому кресту с голубем.

— Я найду правду, — сказал он вслух пустой комнате. — Клянусь теми, кто сгорел.

В форточку тянуло холодом. Запах гари, преследовавший его после гипноза, исчез. Но вместо него пришло другое — ледяное спокойствие человека, который, наконец, понял, зачем он живёт на этом свете.

ГЛАВА 3 ПЕРВЫЙ ЗВОНОЧЕК

Редакция «Новой городской газеты» занимала три комнаты в полуподвале на Садовом кольце. Ремонт здесь делали, кажется, ещё в девяностые, и с тех пор только добавляли вещи: компьютеры, стеллажи с подшивками, кофе-машину, которая вечно ломалась, и огромный аквариум с сомами, которые ни разу не размножились, но упрямо жили. Максим Коваль сидел за столом, заваленным бумагами, и стучал по клавиатуре двумя пальцами.

— О, явился, — сказал он, не оборачиваясь. — Кофе будешь?

— Отставить кофе. Смотри.

Алексей положил книгу на стол. Максим повернулся, снял очки — близорукость у него была лёгкая, носил их только за компьютером — и уставился на потрескавшийся кожаный переплёт.

— Это что? Букинистика?

— Это, Макс, может быть, главная находка в моей жизни. И в твоей тоже.

Максим взял книгу осторожно, как взрывоопасный предмет. Перелистнул несколько страниц, прищурился.

— Латынь?

— Окситанский. Язык юга Франции. Тринадцатый век.

— Ого. — Максим присвистнул. — И где ты такое раско-

пал?

— У матери на чердаке. Это семейное.

Максим поднял бровь, но ничего не сказал. Он знал Алексея достаточно давно, чтобы понимать: если тот пришёл с такой помпой, значит, дело серьёзное. Он аккуратно закрыл книгу и посмотрел на друга.

— Рассказывай.

Алексей рассказал. Про гипноз, про видение костра, про женщину и мальчика. Про генеалогическое древо в конце книги и имя Пьера Роже де Мирпуа. Про то, что его предок по духу был тем самым последним катаром, который смотрел на сожжение Монсегюра.

Максим слушал молча. Когда Алексей закончил, он откинулся на спинку стула, скрестил руки на груди.

— Лёша, я журналист. Я привык проверять факты. Ты понимаешь, что если это правда — это сенсация мирового уровня? Последний катар, его потомок по духу в России, документы тринадцатого века... Но если это фальшивка — ты просто сумасшедший, который поверил в семейную легенду.

— Я не прошу верить на слово. Я прошу помочь проверить.

Максим помолчал. Потом кивнул.

— Есть у меня один человек. Старик, бывший профессор, сейчас на пенсии. Он такие вещи определяет с закрытыми глазами. Если кто и отличит подлинник от новодела — только он. Но учти: он въедливый, дотошный и не любит,

когда ему врут.

— Я не вру.

— Посмотрим.

Через два дня они сидели в крошечной квартирке на Профсоюзной, заставленной книгами от пола до потолка. Хозяин, Лев Борисович Кац, маленький сухой старик с глазами-буравчиками, рассматривал книгу через лупу уже час. На столе перед ним лежали какие-то приборы, химические реактивы, микроскоп. Алексей и Максим сидели на диване, боясь дышать.

— Ну что, Лев Борисович? — не выдержал Максим.

Старик поднял голову. Глаза его блеснули.

— Мальчики, вы хоть понимаете, что вы принесли?

— Примерно, — осторожно сказал Алексей.

— Нет, вы не понимаете. — Кац погладил книгу, как живую. — Пергамент. Козлиный. Метод выделки — чистая Европа, тринадцатый век, никаких сомнений. Чернила — железо-галловые, характерные для того периода. Текст писался разными руками. Основной массив — примерно 1240—1250 годы. Поздние пометки — семнадцатый, восемнадцатый век. И вот это...

Он открыл последние страницы, где было генеалогическое древо.

— Это писано в девятнадцатом веке, но на основе более ранних записей. Всё сходится. Если это фальшивка, то сделанная гением, который потратил полжизни на изучение ма-

териалов и всё равно не смог бы добиться такой аутентичности.

Алексей выдохнул.

— Значит, подлинник?

— На девяносто девять процентов, — Кац посмотрел на него в упор. — Но вы меня не дослушали. Там, в переплёте, есть тайник. Я его случайно заметил, когда смотрел швы. Кто-то очень аккуратно вшил в корешок дополнительный лист. Судя по толщине, пергамент. Вы знали?

Алексей покачал головой.

— Покажите.

Кац взял тонкий скальпель и начал осторожно поддевать нитки, которыми был прошит корешок. Через несколько минут он извлёк сложенный вчетверо лист — такой же древний, как и книга, но исписанный иным почерком, более убогим и нервным.

— Читайте, — сказал старик, протягивая лист Алексею.

Алексей развернул. Руки его дрожали.

Это была та же самая рука, что писала основную часть книги — рука Пьера де Мирпуа, последнего катара. Но если в книге текст был спокойным, повествовательным, то здесь каждая буква кричала.

Алексей перевёл вслух:

— *«Я, Пьер Роже де Мирпуа, пишу это в год Господень 1255-й, скрываясь в пещере близ Корбьеров. Меня ищут. Инквизиторы не оставят меня в покое, пока не сожгут. Но*

прежде чем я уйду, я должен записать то, что узнал. На соборе в Константинополе, в год 553-й от Рождества Христова, отцы церкви сознательно изъяли из учения слова Христа о перевоплощении души. Они сделали это, чтобы держать людей в страхе: одна жизнь, один суд, вечные муки. Если бы люди знали, что у них много жизней, они не боялись бы ада и не платили церкви. Я видел протоколы. Их хранят в тайных архивах Рима. И те, кто их видел, передают знание по наследству. Я называю имена тех, кто жёг наших братьев, зная правду. Епископ Фульк Тулузский. Легат Арно Амори. Инквизитор Робер ле Бург. Их род не иссякнет. Они будут править церковью веками, пока правда не восстанет из пепла. Я прячу этот список. Пусть тот, кто найдёт его через сотни лет, знает: враг не просто ошибался. Он знал. И убивал сознательно».

Алексей замолчал. В комнате стало тихо, как в могиле.

— Дайте сюда, — Максим выхватил лист, пробежал глазами. — Это ж... это ж, если перевести и опубликовать... Лёша, это бомба. Это не просто документ о катарах. Это прямое обвинение церкви в сознательном сокрытии истины на полторы тысячи лет. С именами. С указанием на то, что преемственность сохранилась.

Кац покачал головой.

— Мальчики, вы понимаете, во что вы ввязались? За такие документы убивают. Не в тринадцатом веке — сейчас. Есть люди, которые не остановятся ни перед чем, чтобы это

не вышло наружу.

Алексей посмотрел на пергамент. Потом на друга.

— Макс, мы будем это публиковать?

Максим подошёл к окну, постоял, глядя на серый московский пейзаж. Потом обернулся.

— Будем. Но сначала — проверим всё, что можно проверить. Лев Борисович, сделайте радиоуглеродный анализ. Я найду деньги. Алексей, вы срочно летите во Францию. В Лангедок. В Монсегюр. Там должны быть архивы, люди, которые могут подтвердить эту историю. Я пока тут подготовлю почву.

— А если за мной следят? — спросил Алексей.

— Значит, будем осторожны. — Максим усмехнулся. — Мы не первые, кто идёт против системы. И не последние.

Кац аккуратно сложил пергамент, завернул в кальку и протянул Алексею.

— Берегите. Это не просто бумага. Это кровь.

Алексей спрятал лист во внутренний карман куртки. На улице моросил дождь, переходящий в снег. Москва жила своей обычной жизнью: машины сигналили, люди спешили по делам, в метро было душно.

Никто не знал, что в кармане у тридцатипятилетнего историка лежит документ, способный потрясти мир.

Никто не знал, что охота уже началась.

Через час, когда Алексей зашёл в подъезд своего дома, он заметил чёрную машину у соседнего крыльца. Номера мос-

ковские, обычные. Но двигатель работал, а в салоне кто-то курил, опустив стекло, хотя на улице минус. Бред какой-то. Как они могли засечь «активность объекта»? Не попы же. В рясе много не наследишь.

Он поднялся на лифте, вошёл в квартиру, запер дверь на все замки. Достал пергамент, положил на стол.

Семьсот лет назад его предок прятал этот лист в переплёт, чтобы спасти правду.

Теперь правда была здесь. И от Алексея зависело, выживет ли она.

Он взял телефон, заказал билеты до Тулузы.

Завтра утром — одни сутки до вылета. Отложенных денег должно было хватить.

ГЛАВА 4 ДРУГ-ЖУРНАЛИСТ

Редакция «Новой городской газеты» просыпалась поздно. К двум часам дня здесь только начинали шевелиться: кто-то приносил кофе, кто-то курил в открытую форточку, несмотря на запрет, кто-то правил вчерашние тексты. Максим появился в половине третьего — взъерошенный, с синяками под глазами, но с горящим взглядом.

— Ты где пропадал? — спросил его зам главного, толстый мужик с вечной сигаретой в зубах. — Звонили из мэрии, просили поправить материал о благоустройстве.

— Потом, — отмахнулся Максим и скрылся в своей камерке.

Он закрыл дверь, скинул куртку на стул и устался в компьютер. Перед ним лежали распечатки — всё, что он нашёл за ночь о катарах, Монсегюре, альбигойских войнах и реинкарнации. Информации было море, но почти вся она — общая, историческая. Ничего такого, что могло бы подтвердить или опровергнуть слова Алексея.

Он достал телефон, набрал знакомого в Исторической библиотеке.

— Лен, привет. Это Максим. Нужна твоя помощь.

— Опять проходные дворы ищешь? — голос у Лены был усталый.

— Нет. Мне нужно всё, что есть по еретическим движе-

ниям XIII века. Особенно по катарам. И по документам, которые церковь могла скрывать.

— Макс, ты что, в религию ударился?

— Лучше. Я, кажется, напал на сенсацию. Но пока молчок. Скинь мне список литературы и, если можешь, ксероксы редких источников.

— Сложно, но можно. Завтра к вечеру будет.

Максим отключился и снова уставился в монитор. В голове крутилась фраза из пергамента: «Их род не иссякнет. Они будут править церковью веками». Если это правда, то церковь — не просто организация, а клан, передающий власть по наследству. Тогда понятно, почему они так боятся огласки. Это не просто потеря репутации — это потеря власти, денег, всего.

В дверь постучали.

— Макс, к тебе там какой-то.

На пороге стоял Алексей. Вид у него был такой, будто он не спал трое суток — глаза красные, щетина, куртка нараспашку.

— Заходи, — Максим встал, закрыл дверь за другом. — Ты чего такой?

— Я билеты взял. Завтра в Тулузу.

— Быстро. А документ?

— Со мной. Вернее, копии. Оригинал я в банковской ячейке оставил, а с собой везу копии на флешке и распечатки. Если что-то случится, хоть это останется.

Максим кивнул.

— Умно. Слушай, я тут покопался. Есть одна зацепка. В Лангедоке, недалеко от Монсегюра, живёт старик, местный историк-любитель. Он всю жизнь собирает материалы по картам. Если кто и знает что-то о Пьере де Мирпуа, то он.

— Откуда информация?

— Есть у меня коллега, пишет про Францию. Она с ним переписывалась для статьи. Кюре местный его знает, помогал с архивами. Вот, — Максим протянул листок. — Имя: отец Рене, деревня Монферье под Монсегюром. Адрес и телефон.

Алексей спрятал бумажку.

— Спасибо.

— Лёш, — Максим вдруг стал серьёзным. — Ты понимаешь, что это опасно? Если там действительно есть те, кто продолжает дело инквизиторов, они могут следить. Во Франции тоже есть свои структуры. РПЦ с Ватиканом хоть и грызутся, но в таких вопросах могут и объединиться.

— Понимаю.

— И всё равно летишь?

— А ты бы не летел? — Алексей посмотрел другу в глаза. — Макс, я семьсот лет ждал. Моя семья семьсот лет хранила эту книгу. Теперь она у меня. Я должен узнать правду. До конца.

Максим вздохнул.

— Ладно. Тогда слушай план. Ты летишь, находишь это-

го кюре, показываешь ему документы. Если подтвердится, что это реально важно, мы готовим публикацию. Я пока тут начну потихоньку вбрасывать информацию, чтобы подготовить почву. Но главное — будь осторожен. Если почувствуешь слежку — уходи сразу. Звони мне каждый день в условленное время. Если пропустишь два звонка подряд — я быю тревогу.

— Договорились.

Они помолчали. За окном шумела Москва, в коридоре редакции кто-то громко спорил о гонорарах. Обычный день, обычная жизнь.

— Лёш, — Максим вдруг улыбнулся. — А ведь это круто. Мы с тобой, два идиота, ввязались в историю, которой семьсот лет. Если всё получится, про нас в учебниках напишут.

— Или убьют. А попы опять попросят государство ввести цензуру на книжки о реинкарнации. Слышал, как они отвечают телезрителям? Её у них нет. Умники.

— Тоже вариант. Но умирать за правду — не самая плохая смерть.

Алексей усмехнулся.

— Ты прямо, как катары.

— Ну, я не настолько святой. Просто я понял одну вещь, на которую ушло несколько лет сознательной жизни. Мне довелось изучать бытие древних славян и Веды, по которым они жили. «Веды» — это ведать, знать, а никак не вера. Так вот, они знали про своё место во Вселенной и перевоплотились.

ние душ. Весь их уклад строился на воздержании от греха, то есть от кармически наказуемых проступков. Древнее знание обеспечивало духовный рост и праведный образ жизни, пока не явились попы и не начали вещать про вечный ад.

— Знаю, некоторые проступки нельзя отмолить. После нового рождения получаешь тяжкую судьбу. Так считают все, кто верит в реинкарнацию.

— Правильно, но это не всё. В то же самое верили катары и другие общины ранних христиан. У нас принцип воздержания от кармы был вытравлен фальшивым Православием, а на Западе — Католицизмом. Энергия души очень чувствительна и постоянно меняется, поэтому следующая жизнь превращается в ад. Лжехристианство скрыло это за необходимостью беспрекословного подчинения. А то, что после смерти происходит разбор ошибок прошлого воплощения и подготовка к новому, было замещено бессодержательной посмертной вечностью — адом и раем.

— Согласен. Поэтому в христианстве содержание посмертия разработано минимально. К тому же, священники не любят на такие вопросы отвечать. Причина — глобальная ложь. Следствие лжи — ограниченное мировоззрение и смирение перед господствующим меньшинством, как тем, чего нельзя изменить.

— Да, но катаров жгли не только за то, что их первоначальное христианство разрушало католическую веру в отсутствие свободы вероисповедания. Перенесёмся в сегодняш-

ний день. Ты знаешь, почему неудовлетворительное благосостояние народа и нищета длятся столетиями?

— Господствует меньшинство.

— А знаешь, почему меньшинство не желает значительно повышать или понижать уровень благосостояния большинства, если, конечно, его удаётся контролировать?

— Ну, при высоком благосостоянии можно послать власть куда подальше, а при низком — недовольные сметут власть, как Фома веником. Короче, одни не могут, другие не хотят, но возможны варианты. Думаю, удовлетворительное благосостояние для всех обеспечить и не могут, и не хотят — гребут исключительно под себя. Всеобщее изобилие невозможно, роскошь избранных налицо.

— И вот, что я понял, Лёша. Для приемлемого материального обеспечения необходима другая политическая и экономическая система. Существующие системы для этого не приспособлены — они выгодны лишь меньшинству.

— Следовательно?

— Это же просто, как три рубля. Дьявол в идеологии. Забудь сейчас про разовую жизнь тела и души, ответь всего на один вопрос. Какова цель перевоплощений?

— Обретение опыта и очищение. Прекращение цикла рождений и смертей, выход из Колеса Сансары, соединение со Всевышним, достижение высшего уровня духовного мира. Ты ведь это хотел услышать?

— Ты уже ответил. И теперь мы оба знаем, почему рас-

пяти Христа, жгли катаров, уничтожали славянских волхвов и славян, не желающих переходить в «одноразовую веру». Она — источник лицемерия, демагогии и сохранения прав сильного. Нормальный Дарвин, выживание сильнейшего. Подвох, которого никто не видит.

— Всегда ценил остроту твоего ума. Что же мы имеем в реальности?

— А в реальности всё наоборот. В духовной иерархии выше стоит тот, кто в ходе эволюции инкарнаций достиг более высокого уровня нравственного развития. И только в этом кроется прогресс любого общества и ответ, почему в России поставлено всё с ног на голову. Такая идеология и нужна стране.

— Ты прав. Такая и нужна.

— Знаешь, я тут немного пофантазировал — когда изобретут некий прибор, назовём его «грехометром», во власть не пропустят ни одного подлеца. Хотя, скорее всего, когда его изобретут, он уже не понадобится. Одно точно — пока сия тайна не станет достоянием критической массы людей, верхушка будет иметь все преимущества в сохранении власти и управлении большинством. Ведь, по сути, собака зарыта в том, один или не один раз мы живём.

— До недавнего времени катары и их вера в реинкарнацию были для меня только историей.

— Понимаю. Ты знал о реинкарнации, но не осознавал её роль и значение. Я не знаю ни одной исторической анало-

гии того, как толоконные лбы одним мановением кадила поставили раком весь мир. Достаточно вспомнить, что Именем Бога продолжают убивать каждый день. Пощады не жди. Они пойдут на любые меры, если в глазах обывателя их действия не будут связаны с их человеколюбивым имиджем. Считай это ещё одним предупреждением. Я, как журналист, многого насмотрелся. Поверь, скандалы про нетрезвых батюшек на «Тойотах» и их стяжательство — вовсе не то, о чём сегодня надо писать, тем более, когда речь идёт о власти и миллиардах долларов.

— Из тебя бы вышел хороший вузовский педагог.

— А ты им стал. Ладно. Давай, иди, собирайся. И позвони матери, она волнуется.

Алексей кивнул и вышел. Максим снова уставился в монитор. В голове крутилась одна мысль: что бы он делал, если бы его жена и дети горели на костре, а он бы смотрел на это со стороны? Смог бы он потом жить, хранить правду, передавать её через поколения?

Он посмотрел на семейное фото на столе — жена, две дочери. Обычное счастье, обычная жизнь.

— Нет, — сказал он себе. — Не смог бы. А Пьер смог. И Алексей теперь тоже должен.

Он открыл почту и начал писать письмо французской коллеге.

ГЛАВА 5 ФРАНЦИЯ. ЛАНГЕДОК

Самолёт приземлился в Тулузе в полдень. Алексей прошёл паспортный контроль, получил багаж и вышел в зону прилёта. Воздух здесь пах иначе, чем в Москве — сыростью, зеленью, чем-то тёплым и чужим. Он остановился у выхода, вдохнул полной грудью. Семьсот лет назад его предки дышали этим же воздухом.

Лангедоком называлась историческая область на юге Франции, расположенная между нижним течением Роны, Средиземным морем, Пиренеями и Центральным массивом. С 2016 года данная территория входила в состав крупного региона Окситания со столицей в Тулузе. Население составляло 3,6 миллиона человек, причём коренные жители традиционно говорили на окситанском языке.

Алексей знал по памяти, что основными городами региона были Монпелье, Нарбонна, Каркассон, Безье и Ним. Монсегюр, куда он хотел попасть, располагался в исторической части Лангедока — департаменте Арьеж.

Что ещё он помнил? В XII — XIII веках здесь был центр катаризма, «еретического» движения, против которого Римская церковь в первой трети XIII столетия объявила Альбигойский поход. После падения Монсегюра в 1244 году и окончательного присоединения Тулузского графства к французской короне в 1271 году Лангедок получил статус

самоуправляющейся провинции. Это было достигнуто ценой уничтожения катаров, и Лангедок почти до XIX века сохранял особые привилегии и провинциальные штаты.

Машину он заказал заранее, через интернет. Маленький «Рено» серого цвета, неприметный. Сел, настроил навигатор, вбил: «Монсегюр, замок». Навигатор показал три часа езды.

Дорога петляла по холмам. Сначала равнина, поля, виноградники, аккуратные домики с черепичными крышами. Потом начались подъёмы. Дорога сужалась, входила в ущелья, карабкалась вверх. Сосны, скалы, серые камни, торчащие из земли, как зубы дракона. Алексей ехал медленно, впитывая пейзаж. Он чувствовал себя так, будто возвращался домой после долгой ссылки.

Около трёх часов он остановился у смотровой площадки. Внизу лежала долина, зелёная, сочная, с извилистой речкой. А прямо перед ним, на вершине скалы, торчали развалины. Монсегюр.

Сердце забилося чаще. Он вышел из машины, опёрся на ограждение. Ветер дул сильный, холодный, несмотря на весну. Тот же ветер, что дул семьсот лет назад. Тот же ветер, что разносил пепел над долиной.

Алексей стоял долго. Он не видел туристов — сейчас был не сезон, народу мало. Только несколько машин внизу, у подъёмника, который вёл к замку. Он решил не подниматься сегодня. Сначала нужно найти кюре.

Он вернулся в машину, вбил новый адрес: Монферье, церковь Святого Мартина. Маленькая деревня в десяти километрах от Монсегюра.

Дорога стала ещё хуже — грунтовка, размытая дождями. Машина подпрыгивала на ухабах, но Алексей упрямо ехал вперёд. Наконец, показались первые дома. Каменные, старые, с закрытыми характерными ставнями. Деревня казалась вымершей. Никогда не поймёшь, где люди, — дома или на работе.

Церковь стояла на краю, у кладбища. Небольшая, романская, с квадратной колокольной. Камень потемнел от времени, крыша заросла мхом. Алексей припарковался, вышел. Тишина стояла такая, что звон в ушах казался громким.

Он подошёл к двери. Заперто. На табличке — расписание служб и телефон. Отец Рене, приходской священник. Часы приёма: вт, чт, сб с 14 до 16.

Сегодня была пятница.

Алексей выругался про себя. Он посмотрел на часы — половина пятого. Всё, приём окончен. Он пошёл по деревне, ища хоть одну живую душу. Наконец, увидел старуху, копавшуюся в огороде.

— Простите, — сказал он по-французски с ужасным акцентом. — Я ищу отца Рене.

Старуха выпрямилась, прищурилась.

— Месье ищет кюре? Он живёт вон там, — она махнула рукой в сторону дома рядом с церковью. — Но сейчас его

нет, он уехал в Фуа.

— Когда вернётся?

— К вечеру. Если хотите, подождите у церкви.

Алексей поблагодарил и вернулся к машине. Он сел, достал бутерброды, купленные в аэропорту, и стал жевать, глядя на церковь. В голове крутились мысли: что он скажет священнику? Как объяснит, зачем приехал? Покажет документ? А если этот кюре — из тех, кто донесёт? Из нетерпимости к отбившимся от стада баранам?

Он вспомнил слова Пьера: «Их род не иссякнет». А вдруг этот священник — потомок тех самых инквизиторов? Вдруг он позвонит куда надо, и завтра Алексея найдут мёртвым в гостинице?

— Хватит паранойи, — сказал он вслух.

Стемнело быстро, как всегда в горах. Окна в доме священника зажглись около восьми. Алексей вылез из машины, размял затёкшие ноги и направился к двери.

Звонок дребезжал, как будто его поставили лет пятьдесят назад. Дверь открылась не сразу. На пороге стоял высокий худой старик в сутане, с седыми волосами и усталыми глазами.

— Месье? — голос у него был мягкий, с южным акцентом.

— Отец Рене? — Алексей сглотнул. — Меня зовут Алексей Орлов. Я историк из России. Я... у меня есть дело к вам. Очень важное.

Кюре смотрел на него несколько секунд. Потом посторо-

нился.

— Входите.

В доме пахло деревом, старыми книгами и воском. Маленькая прихожая, узкая лестница наверх, дверь в комнату. Кюре провёл его в гостиную — обстановка бедная, но уютная: камин, кресла, полки с книгами до потолка.

— Садитесь, — указал он на кресло. — Чаю? Кофе?

— Кофе, если можно.

Пока кюре возился на кухне, Алексей осматривал комнату. На стене — распятие, рядом фотографии: старые, чёрно-белые, люди в одежде прошлого века. На столе — раскрытая книга, церковные записи.

— Итак, — кюре вернулся с двумя чашками, поставил на столик, сел напротив. — Что привело русского историка в мою глушь?

Алексей достал из рюкзака копии документов, распечатки, фотографии. Положил на стол.

— Вы знаете, что такое катары?

Кюре усмехнулся.

— Месье, я прожил здесь семьдесят лет. Я служу в этой церкви сорок лет. Моя семья живёт в Лангедоке с шестнадцатого века. Я знаю о катарах больше, чем любой профессор Сорбонны.

— Тогда взгляните. Я нашёл оригинал в Москве.

Кюре надел очки, взял в руки распечатки. Читал долго, молча. Лицо его не менялось, только брови иногда поднима-

лись. Наконец, он отложил бумаги, снял очки, посмотрел на Алексея долгим взглядом.

— Откуда это у вас?

— Это фамильное. Мой предок — Пьер Роже де Мирпуа. Последний катар, оставшийся в живых после сожжения 1244 года.

Кюре молчал минуту. Потом встал, подошёл к камину, постоял, глядя на огонь.

— Вы знаете, что означает ваша фамилия? Орлов? — спросил он, не оборачиваясь.

— Ну... птица. Орёл.

— Де Мирпуа переделали в Орлов? — кюре покачал головой. — В России любят переводить фамилии. Но это неважно. Важно то, что вы принесли.

Он повернулся.

— То, что написано в этом документе, — правда. Полная правда. Я знаю, потому что сам видел подтверждения. В местных архивах, в письмах, в записях. Инквизиторы действительно знали, что катары правы. Они знали, что ранняя церковь признавала реинкарнацию. И они сознательно уничтожали это знание.

— Почему вы молчали? — вырвалось у Алексея.

— Потому что меня бы убили, — просто ответил кюре. — Или объявили сумасшедшим. Или отлучили от церкви. Я старый человек. Я хотел спокойно умереть.

Он сел обратно в кресло.

— Но, видимо, Бог решил иначе. Он послал вас. Скажите, месье Орлов, вы готовы умереть за правду?

Алексей почувствовал, как холодок пробежал по спине.

— Я... не знаю. Я хочу, чтобы правда вышла наружу.

— Это одно и то же. — Кюре вздохнул. — Те, кто скрывает это знание, не остановятся ни перед чем. Я помогу вам. Но знайте: после этого я, скорее всего, тоже умру.

Его фраза, тихая и страшная, вызвала небольшую паузу — для обдумывания. Он продолжил:

— Не подумайте, что я вас проверяю. Ваше доказательство слишком убедительно. Что вы знаете об истреблении катаров?

— И не подумал. Если я что-то упущу, прошу дополнить. Я серьёзно отношусь к вашим словам насчёт Сорбонны. Мой интерес к катарам возник у меня лет восемь-девять назад по необъяснимой причине...

— Причина в реинкарнации. В вашей прошлой жизни, для меня это очевидно. Мне уже приходилось с таким сталкиваться.

— Полагаю, это так. Что я могу сказать? Первый костёр средневекового христианства датировался 1022 годом. Тогда по приказу короля Роберта Благочестивого в Орлеане сожгли 12 каноников. Затем Кёльн, Германия. В 1143 году там же сожгли несколько катаров, называвших себя «единственными законными наследниками апостолов». 1209 год, июль. В Безье сожгли около 20 тысяч. Город был взят крестонос-

цами. Инквизитор лично наставлял убийц: «Убивайте всех, Господь узнает своих». После этого я уже не мог относиться к христианству, как прежде. Потом 1210 год, город Минерв — убито 140 человек. Далее Монсегюр. 16 марта 1244 года сожгли 205 человек. Это было массовое сожжение «Совершенных» после падения крепости. В 1269 году в Италии окончательно победило папство, и началась волна репрессий против катаров за «чистоту веры».

— Вы упустили два известных имени.

— Ах, да. В 1300—1310 годы в Лангедоке была сделана последняя попытка возродить катаризм. До наших дней дошла история семьи Отье. Пейре Отье был сожжен. Через несколько лет, кажется, в 1321 году, в Вильруж-Терменес был сожжён Гийом Белибаст. Вернее, между сентябрём 1321 и ноябрём 1322 года.

— Вы правы, Пьер де Мирпуа, последний катар Монсегюра, оставшийся в живых. Хочу, чтобы вы поняли. С того момента, как вы прикоснулись к его книге, вы стали последним хранителем.

— Скажите, отец Рене, как ему это удалось. Наверное, он себя за это корил.

— Несомненно. Видите ли, существует старинная легенда о сокровищах Монсегюра. Четверо катаров бежали из замка в ночь перед сожжением. Это исторический факт, зафиксированный в протоколах инквизиции, которые я держал в руках. Комендант крепости показал под пыткой:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.